

жили оба полка¹⁴⁷. Взятым стрелковым оружием восполнили, наконец-то, комплект. Запаслись даже гранатами.

После разоружения запасных полков на «алексеевцев» если и смотрели ещё с недоверием, то перебазироваться за пределы Области столь настойчиво более не предлагали. Становилось очевидным, если так пойдёт и дальше, уже не столько казаки будут прикрывать развёртывание «Организации», сколько добровольцы помогут обеспечить безопасность Войскового правительства.

2.5. Конец Ставки. Бегство «быховцев» на Дон

Поддавив сопротивление ничтожных антисоветских сил в Петрограде и Москве, большевики всё внимание сосредоточили на Ставке. Духонин в качестве Верховного главнокомандующего их больше не устраивал¹⁴⁸.

Армейские комитеты отдельных армий Юго-Западного и Румынского фронтов потребовали немедленно заключить с немцами перемирие. При этом подразумевалось, что мирные переговоры можно вести от имени «какого угодно правительства, только не от большевистского». Перехвати кто-либо у больше-

¹⁴⁷ Добровольцам на этот раз было выдано «некоторое количество» винтовок и патронов.

Юнкерский батальон разоружил 273-й запасный полк, Новочеркасские юнкера – 272-й. Винтовки и патроны команды юнкеров вывозили из казарм в течение двух суток.

¹⁴⁸ С 4 ноября в Ставку начали съезжаться лидеры эсеров и меньшевиков, в частности, Чернов, Фейт, Гоц, Скобелев и др. Прибыл и бывший Военный министр Временного правительства Верховский. Общеармейский комитет также был настроен против большевиков. В ночь на 8 ноября из Ставки от имени Общеармейского комитета фронтовым армейским организациям была отправлена телеграмма с предложением «действующей армии в лице её фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти». Дело дошло до того, что союзные миссии, также находившиеся при Ставке, сносились непосредственно с Верховным, подчёркивая этим, что лишь Ставка является для них единственным органом власти в стране. Такое положение для СНК было, конечно, неприемлемо. К тому же Духонин всячески саботировал продекларированное «ленинцами» перемирие с немцами, что в условиях окончательного разложения фронта могло повлечь за собой самые негативные для большевиков последствия.

виков дело заключения мира с немцами, это могло обернуться для Советской власти катастрофой.

Ленин, надо отдать ему должное, в подобных случаях и на такие вещи реагировал мгновенно. 8 ноября Духонину было предписано:

«Тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров».

Верховный оставил предписание без ответа.

В ночь с 8 на 9 ноября из СНК вызвали Духонина к прямому проводу. В ультимативной форме ему было предъявлено требование немедленно приступить к переговорам о перемирии. Духонин отказался, и с поста Верховного главнокомандующего был смещён. На его место был тут же назначен Н.И. Крыленко¹⁴⁹.

Утром 9 ноября в войска была направлена радиограмма, в которой Советское правительство разъясняло свою позицию в связи со снятием Духонина с должности и предлагало солдатам «взять дело мира в свои руки». Вот текст заключительной части этой ориентировки:

«...Солдаты! – призывал СНК. – Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армий самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

---

¹⁴⁹ Николай Васильевич Крыленко состоял в РСДРП(б) с 1904 г. С весны 1916 г. проходил службу в действующей армии на Юго-Западном фронте в чине прапорщика. Был делегатом на II съезд Советов, членом Военной организации при ЦК РСДРП(б) и членом Петроградского ВРК. В первом составе СНК – член Комитета по военным и морским делам. 29 июля 1938 г. бывший Нарком юстиции СССР Н.И. Крыленко по приговору Военной коллегии Верховного суда был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

Совет Народных Комиссаров даёт вам права на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»

Это был гениальный ход, который враз выбил почву из-под ног «местных», армейских борцов за мир, и в итоге переломил окончательно обстановку на фронте в пользу большевиков!

Казалось, тем не менее, предпринять что-либо против Ставки, большевикам будет не так-то просто, позиции её выглядели внушительно. Общеармейский комитет заявил, что

- власти большевиков не признаёт;
- власть должна быть создана из представителей партий от народных социалистов до большевиков;
- будет охранять нейтралитет Ставки вооружённой силой и не допускать туда ввода большевистских войск.

Однако настроение в войсках было уже совершенно иным. Говорить всерьёз о «вооружённой силе» даже и не приходилось. Понимали это в Могилёве, очень рассчитывали на это и в Смольном.

10 ноября 1917 г. Крыленко выехал эшелонам из Петрограда в Ставку в сопровождении команды Балтийских матросов в количестве 50–60 человек¹⁵⁰. Вечером 11 ноября он прибыл в Псков, где сместил с должности Командующего армиями Северного фронта генерала Черемисова¹⁵¹.

В ночь на 12 ноября в Минске представителями Военореволюционного комитета был смещён с должности Командующего армиями Западного фронта генерал П.С. Балухев. Вместо

---

¹⁵⁰ Позже для занятия Ставки к нему были направлены два эшелона Литовского пехотного полка.

¹⁵¹ Черемисову по телефону было предложено прибыть к «Верховному». Командующий отказался. Получив письменный приказ, отвечал уклончиво, за что и был снят с должности. Тем не менее, ему было предложено до прибытия преемника «вести оперативную работу». 13 ноября Черемисов самовольно покинул штаб, и вскоре был задержан в Петрограде.

него Командующим был назначен большевик – полковник Каменщиков. 12 ноября эшелоны Крыленко прибыли в Двинск, где располагался штаб V армии. Командующий армией генерал Болдырев прибыть на доклад к Главковерху также отказался и сообщил об этом Духонину. Духонин ответил: «Считаю, что вы поступили совершенно правильно... Да храни вас Господь». В тот же день Болдырев был отстранён от должности и арестован. Духонин был объявлен «врагом народа». Распоряжения его ни передаче, ни исполнению не подлежали. Все лица, поддерживающие Духонина объявлялись подлежащими суду.

Всё же предполагалось, что Ставка окажет вооружённое сопротивление. Несколько дней ушло на формирование и выдвижение отрядов, нацеленных на её занятие¹⁵². В свою очередь к Ставке для охраны были подтянуты 4-й Сибирский казачий полк и ударные батальоны.

17 ноября отряды советских войск начали выдвигаться к Могилёву, и вся «оборона» рассыпалась, как карточный домик. Казаки начали колебаться, склоняясь к «нейтралитету». Эсеро-меньшевистский Могилёвский Совет переизбрался, резко изменил свою позицию и вечером 18 ноября сформировал большевистский ВРК.

Утром 19 ноября Верховный комиссар несуществующего уже почти месяц Временного правительства Станкевич предложил Духонину бежать на подготовленном автомобиле. Духонин отказался. Станкевич уехал в Киев один. Созванное затем оперативное совещание Ставки предложило Общеармейскому комитету прекратить своё существование, а членам его вместе с участниками совещания – скрыться.

К Верховному обратились командиры ударных батальонов, просивших разрешения защитить Ставку. Духонин вступать в

---

¹⁵² Удалось сколотить три отряда: Петроградский, прибывший с Крыленко (начальником штаба отряда был Р.Ф. Сиверс); Полоцкий, сформированный из симпатизирующих большевикам частей XXXV корпуса; Минский в составе 1-го имени Минского Совета революционного и 60-го Сибирского стрелкового полков, при бронепоезде и двух бронемашинах.

бой запретил и приказал батальонам в тот же день покинуть город¹⁵³.

– Я не хочу братоубийственной войны, – ответил он ударникам. – Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона...

Это решение не было проявлением трусости, или гипертрофированного благородства. Ему другое название – по своему понимаемая ответственность. Генерал прекрасно понимал, первый же выстрел в Ставке неизбежно перерастёт в бойню и спровоцирует массовые избиения офицеров на фронте. С другой стороны, чувствовалось, конечно, что гражданской войны уже не избежать *и так*. В любом случае, какие бы то ни было упреки в адрес погибшего Духонина вряд ли уместны. Вся «вина» Главковерха лишь в том, что он, как, кстати, и многие другие, «не захотел пролить первую кровь».

Надо отдать должное Духонину. В этой кутерьме, перед лицом весьма вероятного скорого расстрела, о главном Михаил Лаврентьевич не забыл. С утра 19 ноября им был направлен в Быхов, расположенный в 20 километрах от Могилёва, заведующий оперативной частью штаба полковник Кусонский с соответствующими документами.

В ночь с 19 на 20 ноября Могилёв покинули представители союзных миссий, члены Общеармейского комитета и часть сотрудников штаба, в том числе, почти все офицеры оперативного отдела.

---

¹⁵³ 20 ноября у 22-го разъезда между Жлобиным и станцией Красный Берг ударники имели боестолкновение с 60-м Сибирским пехотным полком (поддержанного бронепоездом) Минского отряда, продвигавшегося к Ставке с юга. Бой продолжался несколько часов. Ночью ударники вышли из боя и в эшелонах направились в направлении на Гомель – Брянск – Белгород. 21 ноября Минский отряд занял Жлобин.

24 ноября у станции Тамаровка под Белгородом ударники натолкнулись на сопротивление Московского отряда Ховрина. После короткого боя красногвардейцы под прикрытием бронеплощадки отошли в Белгород. Однако, узнав, что к советским войскам подходят подкрепления (отряд черноморцев, эшелон 30-го пехотного полка и др.) и, не имея сведений об их составе и численности, ударники, оставив эшелоны, частью рассеялись, частью пробивались на Дон отдельными группами и поодиночке.

Духонин остался.

– Я имел и имею тысячи возможностей скрыться, – говорил он перед самым концом. – Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская.

Утром 20 ноября в Могилёв вступил отряд матросов, занявших без сопротивления Ставку. Генерал Духонин был арестован, ему сообщили, что отправят в Петроград в распоряжение СНК. Когда Духонин прибыл на вокзал, у поезда нового Главковерха уже собралась толпа солдат и прибывших из Петрограда матросов. Несмотря на противодействие конвоя и протесты Крыленко, Духонина сбили с ног на путях и забили насмерть. Труп генерала был исколот штыками.

«Как известно, Духонин был убит моряками, – писал Антонов-Овсеенко, – несмотря на все усилия Крыленко помешать этому убийству».

Вероятно, Крыленко действительно пытался помешать. Всё-таки когда-то он носил офицерские погоны. Но матросы не обратили на призывы «Главковерха» ни малейшего внимания. Дыбенко, или тот же Рошаль, свои в матросской среде, вероятно, смогли бы так или иначе отвлечь внимание матросов и спасти генерала «для революционного суда». Замкнутый, сухой Крыленко «недостойного революционной армии самосуда» предотвратить не сумел...

Утром 19 ноября в Быховскую тюрьму прибыл полковник П.А. Кусонский и информировал Корнилова о том, что к Ставке приближается отряд Крыленко, обороняться Ставка не станет, и, следовательно, «всем заключённым необходимо тотчас же покинуть Быхов».

Корнилов пригласил к себе коменданта Быховской тюрьмы, подполковника Текинского полка Эргардта¹⁵⁴ и приказал немедленно освободить заключённых генералов, а полку изготвиться к полуночи к выступлению. Поздно вечером комендант сообщил предварительно караулу из «георгиевцев» о получен-

---

¹⁵⁴ Внутреннюю охрану тюрьмы несли преданные Корнилову «текинцы», наружную – полурота Георгиевского полка.

ном распоряжении отпустить генералов¹⁵⁵, которые будут перемещены на Дон¹⁵⁶. Охрана встретила это сообщение без каких-либо протестов и подозрений.

План «побега» был оговорён заранее. Генералы собирались пробираться на Дон поодиночке, выбирая маршрут в соответствии с обстоятельствами. Заготовлены были револьверы и наспех изготовленные фальшивые документы. Корнилов решил продвигаться походом в сопровождении Текинского полка.

Вечером товарищи по несчастью простились с Корниловым, договорившись «встретиться в Новочеркасске». На выходе из ворот тюрьмы «георгиевцы» проводили их и пожелали удачи. На квартире коменданта генералы переоделись в штатское, и пошли каждый своим путём.

А.С. Лукомский

Лукомский стал «немецким колонистом» и следовал по железной дороге через Могилёв – Оршу – Смоленск. Он справедливо посчитал, что на этом маршруте, проложенном навстречу Крыленковским эшелонам, искать будут меньше всего.

Романовский сменил генеральские погоны на знаки отличия прапорщика. Марков преобразился в рядового, его денщика. Их обоих взял на экстренный паровоз Кусонский, следовавший в Киев.

Деникин стал «польским помещиком». Он купил билеты на ближайший поезд, следовавший на юго-восток, и ожидал его отправления в штабе польской дивизии, входившей в состав корпуса Довбор-Мусницкого. Поляки, как и все, «сохраняли нейтралитет», но отнеслись сочувственно. Выдали документы на имя «помощника начальника перевязочного отряда Александра Домбровского». Определили

¹⁵⁵ В тюрьме к 19 ноября 1917 г. оставались генералы Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков.

¹⁵⁶ По инициативе Союза казачьих войск Каледин официально запросил Ставку о передаче «быховцев» в г. Каменск «на поруки Донского войска».

Деникину и попутчика, подпоручика Любоконского, убывающего в отпуск к родным. Выехали из Быхова только лишь утром 20 ноября. Поезд следовал через Жлобин – Гомель – Конотоп – Сумы. В Харькове Деникин расстался с Любоконским. Зато на пересадке неожиданно наткнулся на Романовского с Марковым, которые следовали из Киева. Дальше, через Славянск и Таганрог, ехали уже вместе до самого Ростова. Марков при этом воплотился в образ «денщика Романовского» совершенно. Бегал на полустанках за кипятком «для своего офицера», легко вступал в разговор с попутными солдатами, то и дело неизбежно переходя от митинговых интонаций «к высокому стилю». Марков, бывший преподаватель академии Генерального штаба, который в действующей армии прослыл поначалу излишне академичным, попав «в гущу народа», показался в ней совершенно иным, вовсе не инородным ей человеком. Он, конечно, играл, но лишь отчасти.

Думается, этот эпизод, эта поездка сыграли свою роль и раскрыли в нём окончательно новые, доселе скрытые черты характера, о которых генерал лишь догадывался, и которые позволили Сергею Леонидовичу стать тем, кем он стал в вытесненной из Ростова Добровольческой армии. Корнилов тоже был любим солдатами, боготворим офицерами, но он был лидером, неизбежно дистанцированным от строя. Марков в самой круговерти событий, всегда и всюду был рядом, везде был принят и был своим. И, в том числе и поэтому тоже, при одном лишь его появлении в цепи, офицерские роты поднимались под шрапнелью в рост и крушили в разы превосходного неприятеля...

Марков остался на сутки у родных в Ростове. Деникин с Романовским, из-за неясности обстановки сохраняющие конспирацию, в тот же день прибыли в Новочеркасск.

А.И. Деникин

И.П. Романовский

Наиболее трудным оказался путь на Дон генерала Корнилова. В ночь с 19 на 20 ноября 1917 г. во дворе Быховской тюрьмы был выстроен караул «георгиевцев». Корнилов простился с солдатами, поблагодарил за службу, выдав на прощание 2 тысячи рублей¹⁵⁷. «Георгиевцы» проводили генерала пожеланием счастливого пути и троекратным «Ура!». Оба караульных офицера, капитан Попов и прапорщик Гришин, присоединились к отряду.

Текинский полк во главе с Корниловым прошёл через город к мосту и перешёл Днепр. Чуть позже соединились с 4-м эскадроном, ведомым командиром полка полковником Кюгельгеном. Деникин в своих воспоминаниях утверждает, что командир Текинского полка не сумел подготовить полк к длительному зимнему походу. Не заготовили карты маршрута, не было ни врача, ни фельдшера, ни даже медикаментов. Тыловой колёсный обоз, взятый с собой, обслуживался солдатами, которые после первого же перехода бежали, оставив отряд без довольствия.

Неприязнь Деникина к Кюгельгену по-человечески понятна. Когда после провала августовского выступления, перед сдачей Ставки, приближённые Верховного спросили у офицеров, останутся ли они верны Корнилову до конца, все ответили утвердительно. Один лишь Кюгельген на вопрос, пойдёт ли полк «на самопожертвование», честно ответил:

– Я не знаю...

Деникин утверждает, что командир не верил в счастливое окончание похода, не сроднился с полком и не знал морального состояния офицеров и всадников. Однако последующие события свидетельствуют об обратном. Скорее, полковник Кю-

¹⁵⁷ Перед самым освобождением лояльные промышленники собрали и передали в Быхов Корнилову до 40 тысяч рублей.

гельген о настроениях, преобладающих во вверенном ему Текинском полку, как раз и был осведомлён и особых иллюзий не питал...

Полк шёл на юго-восток всю ночь и весь день, чтобы уйти подальше от Могилёва и от возможной погони. Вначале «текинцы» испытывали несомненный моральный подъём. Однако тяготы зимнего похода уже давали о себе знать. Идти приходилось ночью, большей частью по бездорожью. Днёвок, как таковых, не было. Банды дезертиров уже успели приучить к себе население. Крестьяне встречных деревень при приближении отряда в страхе укрывались в лесах. Оставшиеся потом удивлялись, что за изъятые продукты им заплатили. Приблизиться же к крупному населённому пункту, где возможно было организовать нормальный отдых в нормальном жилье, не решались¹⁵⁸. Накапливались постепенно усталость и безразличие. Появились обмороженные, пропадали без вести квартирьеры и отставшие. Настроение офицеров оставалось, тем не менее, приподнятым. Конники же, вымотанные, жестоко страдавшие от мороза, всё больше разочаровывались в предприятии. Совершенно выбились из сил, стали калечиться на гололедице, лошади.

За 7 дней «текинцы», немало пропетляв, прошли до 300 км.

Можно, конечно, согласиться с Деникиным в его утверждении, что полковник Кюгельген не сумел должным образом организовать марша. В то же время следует учесть, что как такого, маршрута и промежуточных ориентиров практически не существовало. Предполагалось держаться подальше от железных

---

¹⁵⁸ Из Ставки была направлена телеграмма следующего содержания:

«Всем, всем, всем!

Фронтовым, армейским, корпусным, дивизионным комитетам, всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

24 ноября. Изменник и предатель революции генерал Корнилов, бежав на юг из Быхова, в сопровождении 400 текинцев, отправился на юг по направлению Клинцы, Новозыбков, Сураж. По дороге он силой заставил идти с ним 40 солдат-пулеметчиков. Отряд Корнилова насильно забирает от крестьян фураж и хлеб. Жители против Корнилова. Военно-революционный комитет при Ставке требует, чтобы все военно-революционные комитеты, все Советы приняли срочно меры для ареста Корнилова и передачи его революционному народному суду. О всех передвижениях и о месте нахождения Корнилова просим телеграфно сообщить Военно-революционному комитету при Ставке».

дорог, выйти в районы, не занятые ещё советскими частями, и там уже действовать по обстановке. Дать отдых отряду, наметить пути дальнейшего движения и далее продвигаться уже в более-менее комфортных условиях. Не исключалась возможность и следования в эшелонах.

С утра 26 ноября полк выступил из села Красновичи и у деревни Писаревки, восточнее станции Унечи намеревался пересечь железнодорожную ветку Гомель – Брянск. Шли походным порядком в сопровождении местного проводника. У опушки леса попали в засаду и были встречены огнём в упор. Не принимая боя, полк отошёл обратно в Красновичи и оттуда повернул на юго-запад, намереваясь пересечь железнодорожное полотно с другой стороны, южнее Унечи. Около 14 часов у станции Песчаники «текинцы» вышли к линии Московско-Брестской железной дороги. Но тут из-за поворота вынырнул блиндированный поезд, оснащённый орудийными площадками и открыл по растянувшейся колонне огонь из пушек и пулемётов.

Ещё 22 ноября в Жлобине были получены известия о бегстве Корнилова из Быхова. Для его перехвата в направлении на Гомель – Унеча – Брянск из состава Минского отряда были выделены два батальона Пореченского полка¹⁵⁹, поддержанные бронепоездом. На эту группу, проявившую неожиданную устойчивость и целеустремлённость и наскочил Текинский полк у Унечи.

Головной эскадрон повернул в сторону и ускакал¹⁶⁰. Полк рассыпался и бежал. Под Корниловым была убита лошадь. Раненная, она вынесла его подальше от полотна и упала. Возле генерала остались только командир полка и его заместитель. На сборном пункте полка, куда подъезжали группами и по одному всадники, эскадроны стояли в полном беспорядке. Тут же на

---

¹⁵⁹ 266-й Пореченский пехотный полк прибыл для усиления Минского отряда из состава XXXV корпуса.

¹⁶⁰ 1-й эскадрон Текинского полка пересёк линию железной дороги юго-западнее Унечи, двигался в южном направлении самостоятельно и к полку, вышедшему позже к железнодорожному полотну севернее Унечи, присоединиться уже не мог. За Клинцами в м. Павличи он был разоружён и отправлен в Минск.

земле сидели и лежали немногочисленные раненые. «Текинцы» пали духом совершенно. Открыто шли разговоры о том, что половина полка рассеялась, оставшиеся окружены, и нужно сдаваться большевикам.

– Ах, бояре! Что мы можем делать, когда вся Россия – большевик... – говорили они своим офицерам.

Офицеры возражали им, что красногвардейцы в этом случае расстреляют Корнилова. «Текинцы» отвечали, что этого никогда не допустят, но всё равно настаивали на сдаче. Понятно было, что, сдавшись, допустят и арест, и расстрел, и что угодно. Тем более, у обезоруженных вряд ли кто стал бы и спрашивать.

По просьбе офицеров к полку обратился Корнилов. Генерал, не бывший никогда хорошим оратором, просто сказал, что не хочет верить в то, что они предадут его большевикам. «Текинцы» вновь зашумели, из задних рядов послышались выкрики, что дальше идти нельзя и надо всё же сдаваться. Корнилов подошёл к неровному строю вплотную и сказал:

– Я даю вам пять минут на размышление; после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляете сначала меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдать большевикам.

Все стихли. Из рядов выехал ротмистр Натансон. Встав на седло, без папахи он прокричал:

– Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон, садись!

И тронулся вперёд. За ним, шагом – все офицеры. Вывели в голову колонны штандарт. Начал садиться на коней 2-й эскадрон, потом подтянулись и остальные. Шли неохотно, попеременно, толпой, продолжая глухо переговариваться и ворчать. Это был уже не строевой полк. Но всё же пока ещё шли...

Со всего лишь вдвое превосходящими силами Краснов несколько дней трепал нервы Военно-революционному комитету и едва не ворвался в Петроград. Но там казаки проявили поначалу и стойкость, и моральное превосходство над противником. Здесь у туркменских всадников не оставалось уже ни того, ни другого. Сопровождать Корнилова они пока ещё соглашались,

драться за него – нет. Даже и думать было нечего прорываться в этих условиях с боем. Любой залп подвергнувшегося взвода, любой случайный разрыв шрапнели над головами привёл бы к немедленной массовой сдаче...

Кружили всю ночь, и на рассвете благополучно пересекли линию железной дороги северо-восточнее Унечи. Тем не менее, Корнилов решил покинуть полк. Очевидным становилось, что генералу пробраться на Дон проще будет без «текинцев». Да и остаткам полка отсутствие Корнилова развязывало руки и освобождало от какой-либо моральной ответственности.

Условились, что полк во главе с командиром продолжит движение на Погары и далее на Трубчевск. Командир полка послал телеграмму Крыленко, в которой сообщал, что, выполняя приказ бывшего Верховного главнокомандующего, ныне покойного Духонина, Текинский полк сопровождал на Дон генерала Корнилова. Что 26 ноября на походе полк был обстрелян, под Корниловым была убита лошадь, а сам он пропал без вести. Что полк расположился в Погарах и за прекращением задачи ожидает дальнейших распоряжений. Распоряжений не последовало. Отдохнув в Погарах до двух недель остатки полка в числе 14 офицеров и более сотни всадников, никем не преследуемые, двинулись на юг. После блужданий по лесам и случайной стычки под Новгород-Северским «текинцы», в конце концов, очутились в Киеве. Ввиду отказа Рады предоставить эшелоны для движения на Дон и последующего занятия Киева отрядом Муравьёва, полк был распущен. Как свидетельствует Антонов-Овсеенко, всего в районе Унечи сдалось до двухсот шестидесяти «текинцев». Они были отправлены в Брянск и позже отпущены¹⁶¹. В Ледовый поход в составе Добровольческой армии вышло из Ростова с десятков офицеров и до взвода всадников бывшего Текинского полка.

Корнилов после расставания с полком в сопровождении 11-ти офицеров и 32-х лучших всадников на свежих конях, попробовал всё же пробиться на юг в направлении на Новгород-

---

¹⁶¹ «Настроение рядовых «текинцев» было отнюдь не антисоветское, – писал Антонов-Овсеенко. – Они хотели лишь одного – добраться скорее домой».

Северский. Его отряд кружил несколько дней по лесам, натыкался на заслоны, был несколько раз обстрелян, и отошёл 30 ноября в Погары. Здоровье Корнилова расстроилось совершенно. Из-за холода и озноба он не мог уже сесть на коня и продолжать движение в составе группы конников походным порядком.

Считая невозможным и бесполезным подвергать дальнейшему риску преданных ему офицеров, Корнилов наотрез отказался от попутчиков и решил продолжать путь один. Сопровождаемый офицером и двумя всадниками, он, переодетый в штатское платье, в старой одежде и стоптанных валенках, с документами на имя «беженца из Румынии» Лариона Иванова, прибыл на станцию Холмичи. Простившись, сел в поезд, отправлявшийся на юг¹⁶²...

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов прибыл в Новочеркасск 6 декабря 1917 г.

---

¹⁶² В. Севский утверждает, что Корнилов на станции Ховрино сел в солдатский эшелон и никем не опознанный проследовал до Курска. Оттуда, уже в вагоне 2-го класса следующего на юг пассажирского поезда, также без проблем, добирался до Новочеркаска.